
В.Н. Лившиц

НОВАЯ ПАРАДИГМА ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Москва
Институт экономики
2015

Лившиц В.Н. Новая парадигма государственного регулирования экономики. — М: Институт экономики РАН, 2015. — 54 с.

ISBN 978-5-9940-0556-9

Доклад состоит из двух частей. В первой части (Преамбула) основное внимание уделяется изложению точек зрения отечественных, включая автора доклада, и зарубежных исследователей по весьма дискуссионным важным вопросам, главные из которых, почему развалился Советский Союз и что ждет Россию и ее экономику в далекой перспективе — капиталистическое или социалистическое будущее. Во второй части (Амбула) на основе констатации провала реформ в России в последние четверть века и вхождения России на современном этапе в рецессионный кризис обсуждаются авторская точка зрения о причинах этого крайне негативного для нас явления, необходимость изменения действующей весь период реформирования парадигмы государственного управления, направления изменения важнейших ее компонент.

Ключевые слова: парадигма, компоненты парадигмы, кадровая, макроэкономическая, социальная и т.д. политики, плоская шкала, прогрессивная шкала налогообложения, неравенство, рокировка.

Классификация JEL: E12, E17, E47.

Livchits V.N. New Paradigm of State Regulation of Economy. — М: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2015. — 54 p.

ISBN 978-5-9940-0556-9

The report consists of two parts. In the First part (Preamble) the main attention is given to setting forth points of view of national (including the author of the report) and foreign researches on rather debatable important problems, the most principal of which are the following: 1. Why did the Soviet Union collapse? 2. What is waiting Russia and its economy in long-term perspective — capitalistic or socialistic future? In the Second part (Amble) basing on ascertaining the failure of the reforms in Russia during the last quarter of a century and its entering recession crisis at present, the author's point of view on the reasons of such negative for us phenomenon is discussed, as well as the necessity of changing the paradigm of state regulation that takes place during the whole reformation period, the directions of changing its most important components.

Keywords: paradigm, components of paradigm, personnel, macro-economic, social and other policies, flat tax scale, ascending tax scale, inequality, castling.

JEL Classification: E12, E17, E47.

© Институт экономики РАН, 2015
© Лившиц В.Н., 2015
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I

Прембула. Капитализм и социализм. Субъективный объективный подход к оценке победителей и побежденных. Фрагментарный взгляд в прошлое и будущее.....	6

Часть II

Амбула. О новой парадигме государственного регулирования экономики	20
1. Изменения в области кадровой политики.....	23
2. Изменения в области ресурсно-технологической политики.....	25
3. Изменения в области социальной политики	27
4. Изменения в области макроэкономической политики.....	28
5. Изменения в области налоговой политики.....	34
6. Изменения в области естественно-монопольной политики	36
7. Изменения в области финансовой политики.....	37
8. Изменения в области инвестиционной политики.....	37
9. Изменения в области науки и образовательной деятельности... ..	38
10. Изменения в области бюджетной политики	39
11. Изменения в области политики информатизации.....	39
12. Изменения в области государственной региональной политики	41
13. Изменения в области антикриминальной и антикоррупционной политики	43
Заключение	45
Приложение.....	46
Литература.....	50
Об авторе.....	54

Коммунизм в России — это советская власть
плюс электрификация всей страны.

*Присказка российских
коммунистов 20-х годов XX века*

Капитализм в России — это антисоветская
власть плюс ЕГЭизация и Болонизация всей
страны.

*Присказка российских
неолибералов 10-х годов XXI века*

ПРЕАМБУЛА. КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ.
СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТИВНЫЙ ПОДХОД
К ОЦЕНКЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПОБЕЖДЕННЫХ.
ФРАГМЕНТАРНЫЙ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ
И БУДУЩЕЕ

Настоящий 2015 г. — год юбилейный, и страна, естественно, отметила как могла достойно 9 Мая семидесятилетие победного окончания Великой Отечественной войны. Прошел и традиционный военный парад, несколько то ли напугавший, то ли просто раздраживший наших западных ближних и дальних псевдопартнеров и «доброжелателей», включивших против России дополнительные экономические и технологические санкции, формально чаще всего аргументируемые незаконным, по их мнению и утверждениям, присоединением Крыма к России. Между тем положение в экономике России и до присоединения Крыма, и до включения санкций было далеко не блестящим, невзирая на то (или, что может быть вернее, именно потому), что в стране (в ее экономике и в социуме) уже почти четверть века с 1991 г. идут довольно своеобразные радикальные реформы по переходу от советской централизованно-плановой авторитарной системы управления всем и вся к казалось бы несколькими веками проверенной во всех странах Европы и Северной Америки эффективной и демократичной рыночной системе. Так думали или точнее, так говорили наши реформаторы, заваривая очередную кашу в нашей многострадальной стране, сразу же в начале реформ в конце 1991 г. развалив ее на части, относительно самостоятельные и не зависимые от бывшего центра управления в Москве, и тем самым уничтожив Советский Союз — существовавшее ранее мощное государство, успешно строившее в отличие от других наиболее развитых стран мира не капитализм,

а социализм, и выдержавшее многие тяжелые испытания, в том числе и страшную Вторую мировую войну, хотя в конечном итоге и триумфально закончившуюся, если забыть о многомиллионных потерях населения и грандиозных разрушениях созданных в довоенное время реальных активов: домов, заводов, школ и т. д. Впрочем, материальные потери были к началу реформ 90-х годов вполне успешно восстановлены и Советский Союз заслуженно в мировой таблице о рангах занял второе (после США) место по производственному и научному потенциалу, а в ряде областей (космос, атомная энергетика) выходил временами и на первое место. Правда, это не относится к таким важным позициям, как темпы технологических инноваций в традиционных сферах и отраслях, производительность труда в них, жилищные условия и материальный уровень жизни населения, где отставание нашей страны и до революции 1917 г. и после нее весь период были весьма ощутимыми (Лившиц, 2013). Поэтому к концу 70–80-х годов накопились, в этом и не только в этом плане, многие весьма серьезные социально-экономические проблемы, требовавшие срочного и эффективного, и к тому же нетривиального, решения. Между тем нашей обладавшей фактически неограниченной властью в Советском Союзе в центре и на периферии партийно-государственной, чиновничьей и ассоциированной с ними торговой и интеллектуальной элите, особенно ее не идейным, а многим корыстным представителям, показалось, что решение этих проблем лежит на поверхности — надо мол отказаться от неправильно избранного социалистического пути развития и вернуться на столбовую дорогу человеческой цивилизации, т. е. надо вернуть всюду и везде рыночные отношения, имманентные им правовые и другие институты, и все автоматически решится само собой, если ими заменить механизмы централизованного планирования. Эти соображения, обильно одобренные элитой через СМИ мощной антисоветской пропагандой плюс немалые допущенные властью сознательные и несознательные ошибки в текущей социальной и хозяйственной политике привели к коренному изменению всех сторон российской жизни, а в разорванном на куски Советском Союзе с платной теперь медициной, образованием и т. д. вместо бывших принципов научного коммунизма, социалистического гуманизма и интернационализма через СМИ настойчиво и порою талантливо

внедряются многие антигуманные принципы рыночной идеологии, для которых член-корр. РАН Р. Гринберг (автор монографии (Гринберг, 2012)), достаточно справедливо полагавший, что с начала 90-х годов наша жизненная философия стала простой: «Спасайся, кто может. Это значит, ты сам должен искать себе средства на пропитание», – придумал, видно, для успокоения, формулу: «У нас нет никакой коррупции, просто все учреждения стали коммерческими – от роддома до морга». Правда, в интервью корреспонденту «Комсомольской правды» Н. Бероевой он уточнил действующую философию принципом: «Обогащайся, как можешь!» – причем интервью и соответствующая информация (www.kr.ru 22/09/2011) вышли под девизом: «Это трагедия, когда россияне думают, что кто богаче – тот вор, кто беднее – лох». А ведь с помощью СМИ-пропаганды, действительно, так думают и этим руководствуются уже многие, если не преобладающая часть россиян, особенно не живших в зрелом возрасте в советское время.

Между тем, если не по подсказкам СМИ, а на основе реальных жизненных наблюдений и данных даже официальной статистики объективно посмотреть на «великие достигнутые за почти четверть века успехи» перехода в нашей стране к рынку, то возникают желания получить не политдемагогический СМИ-элитный, а объективный доказательный ответ на целый ряд важных взаимосвязанных вопросов, в числе которых в первую очередь можно указать такие два.

Первый: «А надо ли было, исходя из интересов России и ее населения, заменять существовавшую в стране централизованно-плановую систему, формально ориентированную на построение социализма, на рыночную систему хозяйствования капиталистического толка, т. е. надо ли вообще было городить огород и разрушать Советский Союз?»

Второй: «А какой тип общественных отношений и хозяйствования в XXI веке вообще, и в частности для России, является более прогрессивным для страны и ее населения – капитализм или социализм?»

Конечно, объективные и доказательные ответы на оба эти вопроса требуют весьма обширной теоретической и практической аргументации системного характера, включая и анализ уже опу-

бликованных тысяч научных и публицистических работ объемом в десятки, если не сотни тысяч страниц очень многих авторов с дискуссией о том, как надо определять капитализм и социализм, и что мы строили – социализм, коммунизм или нечто совсем иное, а также о том, был ли развален Советский Союз и кем, или он развалился сам «по старости» или «неспособности функционировать» и т. д.

Естественно, что в рамках короткого доклада мы не будем даже делать попытки системно полно теоретически ответить на указанные важные вопросы, а ограничимся далее лишь по существу популистским изложением авторской позиции и краткими соображениями, которые, как нам кажется, во-первых, достаточно ясно ее обозначат по указанным вопросам, естественно, без претензий на полноту ее аргументации, и во-вторых, постараемся обратить внимание на некоторые аспекты, которые, представляется, в рассматриваемых проблемах обязательно надо учитывать при государственном управлении как факторы первостепенной важности, что часто не делалось и не делается.

Еще раз подчеркнем, что в данном докладе речь идет не о претензиях на решение указанных крупных теоретических проблем, а скорее лишь об изложении с элементами аргументации (существенно более полная приведена, например, в (Лившиц, 2013)) авторской позиции по ним с надеждой, что это вызовет на семинаре, а может быть, и вне его определенную полезную дискуссию.

Имея именно эту прагматическую цель, сначала отметим три важных для рассмотрения поставленных вопросов общепризнанных факта из не очень далекого прошлого.

1. Почти в самом начале XX века – в 1917 году в самой большой по территории и одной из самых больших по численности населения стран мира – в России произошла революция – была сделана попытка вместо капиталистических отношений – рыночных в экономике (хозяйственной сфере) и недемократических авторитарных в социуме (сфере общественных отношений) установить фактически впервые в мире централизованно-плановые квазисоциалистические отношения, причем эта попытка производилась при сохранении во всех остальных странах мира существовавших порядков: в развитых странах – капиталистических, в неразвитых – феодальных и квазифеодальных.

2. Это новое государство – СССР, официально ориентированное на социалистический путь развития экономики и социума, будучи правопреемницей дореволюционной России, несмотря на недружественное, а часто и открыто враждебное отношение капиталистического окружения, почти две трети минувшего века успешно развивалось, значительно повысив свой производственный, военный, интеллектуальный, социальный и культурный потенциалы, что в конечном итоге в послевоенном периоде обеспечило многополярный по существу мир с ключевыми игроками в нем США, СССР, Западная Европа и др. Хотя, конечно, миром это могло быть названо достаточно условно и, по-видимому, более адекватно существовавшее положение характеризовал термин «холодная война».

3. Почти в самом конце XX века – в 1991 году «холодная война» закончилась поражением в ней СССР и социалистических порядков в нем, вместо которых произошла во многом обратная институциональная операция – были во многом восстановлены существовавшие до 1917 года в экономике рыночные отношения, а в социуме авторитаризм, обильно сдобренный псевдодемократической демагогией. При этом огромная многонациональная и многореспубликанская страна СССР была структурно разрушена путем выделения более десяти относительно слабых самостоятельных государств – бывших национальных союзных республик. В результате этого разрушения (распада СССР) многополярный мир фактически превратился в однополярный с единственным ключевым игроком – США, контролирующим все мировые политические, финансовые, социальные, военные, идеологические и т. д. институты.

С указанными тремя фактами (с точностью до их неприципиальных вариаций) в общем согласны большинство ведущих политиков, экономистов и т. д. как за рубежом, так и внутри России. Гораздо меньше единства во мнениях, почему это произошло, т. е. почему распался Советский Союз и каковы и у кого из игроков в итоге какие оказались выигрыши и потери и, наконец, еще более существенно мнения расходятся при прогнозировании будущего. Естественно, что нас, россиян, в первую очередь эти вопросы, точнее, более или менее убедительные ответы на них, интересуют применительно к нашей стране.

Начнем анализ с острой проблемы о причинах распада СССР и связанных с этим многих для нас негативных последствиях, достаточно подробно и во многом согласованно изложенных в ряде работ, в том числе в (Львов, 2000, 2002, 2003; Гринберг, 2002; Лившиц В., Лившиц С., 1999, 2008, 2010; Лившиц, 2013; и др.). Заметим, что на эту тему есть тоже довольно много различных мнений и высказываний как отечественных, так и зарубежных профессионалов различного профиля. Сначала рассмотрим следующую разделяемую нами точку зрения из-за бугра двух американских известных специалистов (экономиста и историка), приведенную в (Котц, Вир, 2013, с. 21–22):

«Наиболее распространены два мнения. *Первое* из них представляет точку зрения, согласно которой СССР погиб из-за нежизнеспособности социалистической экономической системы. Согласно этому мнению, советская плановая экономика перестала функционировать, и реформировать ее было невозможно, что оставляло только одну альтернативу — капитализм... Серьезный недостаток этого объяснения гибели СССР состоит в том, что, как свидетельствуют факты, перед тем, как погибнуть, советский государственный социализм около шестидесяти лет осуществлял быстрое экономическое развитие... факты не подтверждают тезиса, согласно которому гибель системы объясняется крахом советской плановой экономики, обусловленным ее собственными внутренними противоречиями.

Второе господствующее объяснение конца СССР подчеркивает роль массовой оппозиции системе снизу. Согласно этому представлению, общество, основанное на подавлении, могло существовать только до тех пор, пока его лидеры обладали волей применять находившиеся в их распоряжении инструменты принуждения. Первая серьезная попытка либерального реформирования позволила людям разорвать оковы. Как только стало ясно, что советский президент Михаил Горбачев не будет использовать силу для сохранения системы, народное движение снизу мирно демонтировало ее посредством выборов, массовых демонстраций, забастовок и сепаратистских движений.

Многие рядовые советские граждане, действительно, активно выражали свою неудовлетворенность системой, но и у этого

второго объяснения есть серьезные слабые места. Хотя немалая часть советского населения, вместе с Горбачевым и его союзниками, поддерживала расширение роли рыночных сил в советской экономике, результаты опросов показывают, что лишь незначительное меньшинство в бывшем СССР хотело капитализма такого рода, как в Соединенных Штатах. Не похоже, чтобы стремительный «бросок» к капитализму проистекал из массового желания развития событий именно в этом направлении. Также, по-видимому, значительное большинство населения бывшего СССР, за исключением некоторых относительно небольших республик, хотело сохранить Союз. Всего за девять месяцев до роспуска Союза референдум о его сохранении был выигран с 76,4% голосов. В то время как люди хотели экономических и политических перемен, они, по всей видимости, не хотели ни капиталистической трансформации, ни политического распада, которые на них свалились. Это ставит под сомнение точку зрения, согласно которой гибель и трансформацию советской системы можно объяснить массовым давлением или народной революцией».

Представляется более логично принять, что (там же) «в бывшем Советском Союзе погиб конкретный вариант социализма — недемократический, репрессивный, с исключительно избыточно централизованной экономической организацией. На его счету — определенные достижения, в частности, быстрая индустриализация без чудовищных крайностей богатства и нищеты. Но он был очень далек от системы народной собственности и контроля над производительными институтами общества, как она представлялась Марксу и поколениям западных социалистов. Неудача советской попытки преобразования недемократического государственного социализма в демократический социализм не доказывает нежизнеспособности или недостижимости последнего. При этом советский опыт и ход процесса, приведшего к смерти советской системы, содержат важные уроки, касающиеся того, как должна выглядеть любая жизнеспособная социалистическая система, которая, возможно, возникнет в будущем».

С этим обширно нами процитированным мнением двух американских специалистов, к которому мы также присоединяемся, перекликается и позиция, приведенная в (Гринберг, 2011): «Я считаю, что Советский Союз можно было сохранить почти в пол-

ном составе. Исключение — страны Балтии, где подавляющее большинство населения просто мирилось с «чуждой» властью и мечтало о независимости от Москвы. В остальных же республиках СССР за 70 лет новая историческая общность людей — советский человек со всеми его положительными и отрицательными качествами — состоялась. Тем не менее СССР распался и на то были причины, вернее, комбинация причин объективного и главным образом субъективного характера». И далее в этом интервью, подчеркивая недостатки существовавшего в советский период директивного планирования Р.С. Гринберг правильно, по нашему мнению, заключает, что из «этого никак не следовало, что стремление избавиться от директивного планирования в СССР равносильно стремлению избавиться от самого СССР».

А вообще-то, конечно, переход в нашей стране от централизованно-плановой к рыночной экономике оказался связанным с многими очень серьезными позитивными и негативными последствиями. Как подробно анализируется в (Лившиц В., Лившиц С., 2008, 2010 и др.), к позитивным последствиям, в первую очередь, следует отнести демократизацию различных сторон общественной и экономической жизни, создание элементов рыночной инфраструктуры и развитие сферы услуг, ликвидацию товарного дефицита, расширение экономической свободы деятельности бизнеса и возможностей населения к самостоятельной и добровольной перемене мест жительства, работы и отдыха.

К более весомым негативным последствиям относятся прежде всего резкий, особенно в 90-е годы, спад производства, недопустимые устаревание и износ оборудования в экономике в целом и практически во всех отраслях и регионах и, тем самым, разрушение существовавшего мощного производственно-научного потенциала страны, интенсивный рост безработицы, снижение реального уровня жизни основной массы россиян, чрезмерная дифференциация доходов населения и рост бедности значительных его слоев, возникшие серьезные демографические проблемы, особенно россиян мужского пола, и общего старения россиян, из-за заметного сокращения рождаемости и продолжительности жизни, коммерциализация и криминализация политической, социальной и хозяйственной жизни.

Представляется, что в значительной мере все это было прямым следствием избранной реформаторами неэффективной для страны тактики проведения рыночных преобразований — посредством шоковой терапии, ваучерной приватизации и других мероприятий из джентльменского набора Вашингтонского консенсуса, рекомендованного международными финансовыми организациями развивающимся странам. Однако в России итог этих усилий явно отрицательный — заметное усиление социально-экономической напряженности в стране, нарушение нормальных воспроизводственных процессов, недопустимая амортизация основных фондов, резкое сокращение производственных инвестиций и **в итоге по существу глубокий и долгоиграющий системный социально-экономический кризис**. Конечно, были и дополнительные утягощающие состояние экономики причины, например, всякого рода указанные в (Лившиц, 2013; Шляпентох, 1992; Bairoch, 1999; Стиглиц, 2002 и др.) разного рода мифы, иллюзии, парадоксы, на которые в своих решениях опирались властные реформаторы, и т. д.

Обоснование этих важных положений (о системном кризисе в России после 1992 года и его причинах, а также о нестационарности российской экономики в течение всего периода реформирования 1992–2015 гг.) было мною озвучено ранее и аргументировано в предыдущих двух докладах на нашем Семинаре, а более подробно, опираясь на официальную информацию Росстата в монографии (Лившиц, 2013). По указанным причинам, чтобы не повторяться и сократить текст, эта информация мною в текст настоящего доклада не включена).

Влияние большинства из указанных факторов на экономику страны достаточно полно проанализировано в отечественной литературе (в том числе в (Петраков, 1998; Львов, 2002; Лившиц, 2013)). Однако негативной роли сильной дифференциации доходов в рыночной экономике нам представляется уделено явно недостаточное внимание. Поэтому рассмотрим эту проблему несколько подробнее, опираясь прежде всего на совсем недавно вышедшую в русском издании фундаментальную монографию лауреата премии памяти Альфреда Нобеля 2001 года по экономике Джозефа Стиглица, само название которой «Цена неравенства» свидетельствует о значимости рассматриваемого фактора. Приведем несколько

ко фрагментов этой замечательной книги, хотя она посвящена в основном и не нашей, а американской экономике, где дифференциация доходов разных групп населения и концентрация у них богатства значительно меньше, чем у нас, а уровень жизни населения значительно выше. Тем не менее многие, если не большинство, высказанные в ней мысли прямо или косвенно могут быть интерпретированы и в российском аспекте. Главная же мысль книги, которую мы хотим подчеркнуть, что и в цитадели капитализма в США неравенство очень высокое.

«Пять процентов самых богатых американцев, владеющих более чем двумя третями фондовых средств, следуют в нужном русле... Даже ориентированный на «свободный рынок» журнал Economist замечает, что «в Америке доля национального дохода, принадлежащая 0,01% (а это примерно 16 тысяч семей), увеличилась с 1% в 1980 году до почти 5% сейчас. ...Недавно обнародованные данные показывают, что за период рецессии, с 2007 по 2010 год, средний доход представителя среднего класса снизился почти на 40% и достиг уровня начала 1990-х годов. Все богатство Америки сконцентрировано в руках верхушки. Если бы низший класс Америки участвовал в равном распределении богатств, его благосостояние на следующие двадцать лет увеличилось бы на 75%» (с. 13).

«Что касается специфически Америки, так это удивительный рост доходов у верхушки (1% и 0,1% – самые богатые) и необычайный уровень бедности у низших слоев. Эта тенденция в большей степени характерна для Соединенных Штатов, чем для Европы, и проистекает из различительной американской политики, начиная с менее прогрессивной налоговой системы, более слабых систем страхования и систем социальной защиты, образовательной системы... и заканчивая незначительной ролью профсоюзов» (с. 31).

«Одной из самых темных сторон рыночной экономики, на которую удалось пролить свет, стало огромное и все набирающее обороты неравенство. Оно оставило ткань американской социальной системы (да и экономической устойчивости вообще) в изношенном состоянии: богатые богатеют, в то время как остальные граждане сталкиваются с непреодолимыми трудностями, которые едва ли гармонируют с образом американской мечты... К 2007 году, примерно за год до кризиса, 0,1% верхушки американских хозяйств

имели доход в 220 раз превышающий средний доход хозяйств, составляющих 90%. Богатство распределялось даже более неравномерно, чем доход: 1 процент самых богатых людей сосредоточил в своих руках более трети национального благосостояния» (с. 60).

Таким образом, с достаточными основаниями Дж. Стиглиц пишет, что и жизнь американцев и в прошлом, и сейчас была и остается далеко за пределами «американской мечты».

Теперь обратимся непосредственно к современной российской действительности, где дифференциация доходов еще больше зашкалила и достигла уже социально опасных размеров (коэффициент фондов в целом по стране превысил 20,0, а в Москве он достиг 70, и даже выше (Шевяков и Кирута, 2009), и где справедливо подчеркивается применительно к России (с. 160): **«Можно говорить, что снижение избыточного неравенства позволит не только остановить депопуляцию, но и обеспечить существенно более высокие темпы экономического роста. Именно поэтому показатели неравенства и относительной бедности должны стать ключевым ориентиром согласованной экономической, социальной и демографической политики».**

Между тем в нашей квазикапиталистической экономике процессы идут скорее в противоположном направлении — так, согласно статье А. Баязитова в («Известия», № 134(29380), 24.07.2015, с. 1) отмечается: «Несмотря на спад в экономике, в прошлом году выросло количество богатых граждан, фиксирует статистика Федеральной налоговой службы. Так, количество налогоплательщиков, задекларировавших за 2014 год доход более 1 млрд рублей, возросло на 5,8% — с 292 до 309 человек...».

Ранее консультационная компания New World Wealth в своем исследовании отмечала, что «в России более 82 тыс. долларовых миллионеров. Большая часть столь состоятельных людей (свыше 52 тыс. человек) проживает в Москве», что тоже убедительно свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне неравенства доходов населения в нашей стране (см. (Львов, 2002, 2004)). Дополнительным аргументом будет и опубликованное в МК авторитетное мнение главного экономиста Института фондового рынка и управления Михаила Беяева о дифференциации уровней заработной платы наемных работников (при среднемесячной начисленной

зарплате россиян около 31 тыс. рублей): «Экономика России переживает сложные времена и, прежде всего, хозяйственные невзгоды испытывают на себе, как водится, рядовые граждане. Их доходы сокращаются, а раскрутившаяся инфляция опустошает карманы наших соотечественников. А вот топ-менеджерам госкомпаний волноваться не о чем. Их кошельки не только «не похудели», а даже пополнились, о чем свидетельствует и само название упомянутой статьи: “Топ-менеджеры госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих”».

Как здесь не вспомнить ситуацию в России времен социалистического развития. Например, ситуацию, которую недавно в докладе на заседании МАОН (Международной академии организационных наук) огласил зав. кафедрой экономики госуниверситета «Дубна» д.т.н., проф. С.А. Панов: «Для непосвященных хочу напомнить о существовании в нашей стране некоего «коэффициента Краузе», равного 2. Герой социалистического труда Краузе Геннадий Леонидович командовал тогда одним из лучших автокомбинатов № 1 Главмосавтотранса, включенных в эксперимент Косыгинской реформы. А коэффициент 2 означал, что месячная зарплата Г. Краузе при успешной его работе была равна удвоенной среднемесячной зарплате водителей комбината, причем производительность труда которых при этом тоже резко выросла». Конечно, при этом неравенство доходов сохраняется, и существенное, но далеко не такое вопиющее, как при зарубежном или нашем родном российском вариантах капитализма, где неравенство в несколько порядков, т. е. экстремально, зашкаливает. Представляется, что можно принять прозвучавший тогда вывод: «Такой коэффициент может стать регулятором разумной, справедливой и эффективной экономики», — явно свидетельствующий в этом плане о достоинствах ее социалистического варианта по сравнению с существующими капиталистическими образцами. Это наше утверждение неплохо гармонирует с известным мнением Джона Мейнарда Кейнса, приведенным в (Кейнс, 1936, с. 235): «Декадентский интернациональный, но индивидуалистический капитализм, в руках которого мы находимся после Первой мировой войны, успехом не увенчался. Он не разумен, не красив, не справедлив, не добродетелен. И не дает желаемого результата. Короче, он нам не нравится...». И нам, т.е. мне

и моим друзьям, тоже, уже после Второй мировой войны и после окончания холодной. Именно реальными теоретически объективными недостатками капитализма и производных от него теорий родственных ему «измов» по сравнению с социализмом, мне кажется, следует объяснять и приведенное в чрезвычайно интересной и с точки зрения экономической теории весьма содержательной и новационной, хотя и весьма нелегко читаемой, статье (Рубинштейн, 2015) следующее положение: «...отдельные авторы по-прежнему настаивают на том, что “социал-либерализм — результат капитуляции значительной части либералов перед социализмом“».

Кстати, в этом плане интересен и прогноз, который миру на столетний горизонт, обращаясь к внукам, дал на будущее совсем не социалист великий Дж. Кейнс в 1931 году: *«В долгосрочном периоде — в течение ближайших 100 лет — человечество решит свою экономическую проблему. Я предсказываю, что при отсутствии больших войн и значительного роста населения... уровень жизни в развитых странах возрастет в 4–8 раз по сравнению с нынешним... когда накопление богатства перестанет считаться одной из основных задач общества, изменятся многие нормы морали... Мы установим истинную ценность стяжательства. Страсть к обладанию деньгами — в отличие от уважения к деньгам как средству достижения истинных удовольствий и ценностей — будет считаться постыдным заболеванием... мы сумеем вернуться к некоторым наиболее ясным и недвусмысленным принципам религии и традиционной добродетели: что алчность — грех, что давать деньги в рост — преступно, а любовь к деньгам — отвратительна»* (Кейнс, 2009, с. 65–67; Лившиц, 2013, с. 562).

Таким образом, если подвести некоторый итог вышеизложенному, то он может звучать так: с **фундаментальных позиций**, т. е. с точки зрения блага страны и ее населения, социализм имеет весьма значительные преимущества перед капитализмом и если иметь в виду долгосрочный или даже сверхдолгосрочный горизонт и предположить, что к нему человечество и население России пройдет цивилизационный разумно-кейнсианского типа путь, а не апробированный под названием социализма в России в первой половине XX века авторитарно-извращенный путь и стиль жизни, то это будущее в нашей стране, да и в других разви-

тых странах планеты, видится как постепенный переход к нормальному сильному социалистическому обществу со смешанной (планово-рыночной) эффективной экономикой в демократическом государстве, а не как всемерное усиление в экономике и социуме принципов и методов, имманентных малопривлекательному (см. выше) капиталистическому образу жизни. То есть не надо примерять на будущее платье социально голого короля.

АМБУЛА. О НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Четверть века кардинальных преобразований экономики и социума России, начатых позднесоветской перестройкой (1985–1991 гг.) и продолженных постсоветскими неолиберальными реформами (запущенными в 1992 г. и к настоящему времени еще далекими от завершения), ознаменовано многими существенными (принципиальными) изменениями всего строя жизнедеятельности страны. При этом нельзя сказать, что за прошедшие годы в обществе достигнуто окончательное одобрительное согласие по поводу того *что, в каком направлении, как и зачем* должно было и продолжает меняться в нашей жизни. Резко неоднозначно оцениваются и *результаты* (последствия) произошедших изменений. Показателем контрастного расслоения общественного мнения по указанным принципиальным вопросам служит не только не снижающийся, но в последние годы даже возрастающий уровень остроты профессиональных и политических дискуссий о *целях, способах и цене преобразований*. Эти дискуссии стали активно подогреваться начавшей неуклонно ухудшаться к концу «тучных» нулевых годов экономической ситуацией в стране — на смену нефtedолларовому экономическому росту, достигавшему 7–8% в отдельные годы, пришли стагнация, а затем и рецессия¹. Особенно обострилось

---

1. В такой оценке сходятся и государственные чиновники, и научные эксперты. Так, пришедший из руководства ЦБ РФ новый глава Минэкономразвития России А. Улюкаев вскоре заявил о переходе экономики в стадию стагнации, т.е. снижения темпов роста ВВП. Действительно, в 2011 и 2012 г. приращение ВВП составило соответственно 4,3 и 3,4%, в 2013 г. прогнозировался темп, превышающий 4%, однако фактически он опустился до 1,3%. В 2014 г. надежда, по мнению министра, на заметный рост вообще не было — во втором квартале 2014 г. ВВП по отношению к аналогичному периоду предыдущего года ВВП вырос всего на 0,8%. На этом основании многие эксперты ожидали, что прирост в 2014 г. в целом окажется около нуля. Так, по мнению директора Института стратегического анализа ФБК И. Николаева темп прироста экономики России в 2014 г. не превысит 0,5% (Николаев, 2014). Почти единодушно мнение, что 2015 год — рецессионный.

положение в 2014 г., когда в связи с событиями в Украине и Крыму против России были введены международные санкции.

Такой быстрый неблагоприятный разворот в развитии страны стал совокупным следствием действия нескольких крупных негативных факторов: как *ситуативных*, так и *фундаментальных*. В числе первых следует назвать потрясший страну *вслед за глобальным циклическим* (2007 г.), гораздо более глубокий, нежели в других странах, *внутрироссийский кризис* (2008 г.), выход из которого к тому же чрезмерно затянулся на общемировом фоне. В ряду фундаментальных факторов, по нашему мнению, доминирует выбранная в 1991 г. и сохраняющаяся неизменной в своих ключевых чертах *модель общественных преобразований*, опирающаяся на политико-идеологическую *доктрину*, ориентирующаяся на *ценности* и использующая *инструменты* и *институты* так называемого *западного либерализма*, который родился в особых условиях стран зрелых рыночных экономик и буржуазных демократий и был востребован для решения специфических задач их опережающего постиндустриального развития.

В современной же (постсоветской) России *ни похожих условий* не было и нет, *ни аналогичных задач* не стояло и не стоит. Поэтому можно уверенно констатировать категоричную *неадекватность* этой модели² для решения проблем *трансформационного периода* развития нашей страны. Для такого вывода, наряду с вескими теоретическими соображениями, серьезнейшие основания

-
2. Систему мышления (модель), в рамках которой проводились в России катастрофические (Перламутров, Петраков, 1995; Петраков, 1998) социально-экономические реформы 90-х и которая продолжает определять принципиальные установки нового этапа реформ, можно охарактеризовать как российский правый либерализм или даже — неолиберализм, который не следует путать и тем более отождествлять с другими теоретическими «измами», тоже излагаемыми в учебниках по экономической теории, например, с успешно разрабатываемой в ИЭ, ЦЭМИ и некоторых других экономических институтах РАН эволюционной, институциональной и др. теориях (О развитии институционализма в России в 20–21 веках см., например, в (Кирдина, 2015)), а взаимосвязи институциональных систем с внешней социально-экономической средой проанализированы в (Овсиенко, 2014). Конечно, здесь есть и серьезная ненадуманная трудность, связанная с тем, что большинство наших учебников списано с западных и в них излагается стационарная рыночная экономика, а обучающимся по этим учебникам нашим экономистам после окончания вуза придется (если придется) работать в России в совсем другом — нестационарном макроэкономическом окружении. Невольно в связи с этим хочется напомнить финальный вопрос из основного содержания посвященной теореме Коуза блестящей брошюры (Капелюшников, 2006, с. 21): «Какая же неразбериха должна царить в головах студентов, которым приходится по этим учебникам учиться?»

дает и многолетняя практика перманентного реформирования, в ходе которого так и не удалось добиться решения знаковых для переходного этапа проблем, ставших по сути дела хроническими. Политическое самомнение, питаемое доктринерской самоуверенностью «реформаторов во власти», так и не привело в ходе реализации указанной модели к установлению *построенной на новых принципах, содержательно целостной и внутренне непротиворечивой, экономически эффективной и социально приемлемой системы организации жизнедеятельности*, способной обеспечить долгосрочное и устойчивое развитие страны, решающей в принципиально новых внешних и внутренних обстоятельствах в высшей мере *специфические задачи трансформационного периода*.

Разумеется, следует признать, что эта модель в своем законченном виде сложилась не в одночасье и на протяжении указанного довольно длительного периода преобразований она претерпевала известные корректировки. Тем не менее, как неоднократно показано многими исследователями, реформирование жизнеустройства страны при всех смысловых нюансах и политических колебаниях все же последовательно и неуклонно происходило в русле вполне определенных принципиальных представлений о *целях, характере и механизмах* проводимых реформ (Лившиц и др., 2014). Это позволяет достаточно обоснованно интерпретировать идейные установки *выбранного реформаторами, поддержанного государственной властью и навязанного обществу* политического курса в качестве сугубо специфичной и принципиально неизменной неолиберальной *парадигмы*, определяющей вплоть до настоящего времени *общий ход и основные результаты преобразований*.

Важно также подчеркнуть, что вследствие именно отмеченных фундаментальных причин, коренящихся в неизменности указанной парадигмы, в России за годы реформ так и не удалось преодолеть *системный кризис* государства и общества. В силу тех же фундаментальных обстоятельств и разразившийся в стране в 2008 г. циклический кризис на общемировом фоне стал гораздо более сильным и затянувшимся (Аганбегян, 2012). Не исключено и вполне допустимо, что именно неудачи антикризисной политики российских властей могли спровоцировать их спонтанную и неадекватную реакцию на события в Украине, вызвавшей напряженность

в отношениях и с Западом? и с партнерами по ЕАЭС, и в итоге только усугубившей кризисную ситуацию в самой России.

Таким образом, коль скоро многие существенные последствия многолетнего следования указанной (праволиберальной) модели общественных преобразований не отвечают новым вызовам времени и вызывают неснижающуюся неудовлетворенность в обществе, логично возникает принципиальный вопрос о целесообразности продолжения прежнего курса, а значит? и о необходимости отказа от прежней и *перехода к новой системной парадигме социально-экономического развития страны*³.

Проведение такого масштабного маневра потребует проведения комплекса (программы) принципиальных изменений *в системе государственного целеполагания и регулирования социально-экономического развития* страны. Эти важнейшие изменения должны согласованно охватить все ключевые компоненты государственной социально-экономической политики. Рассмотрим далее последовательно необходимые, по нашему мнению, их изменения.

Масштабность и сложность таких преобразований не позволяет охарактеризовать их в полной мере в рамках отдельного доклада и публикации. Поэтому вынужденно ограничимся лишь лапидарным изложением наиболее важных направлений предлагаемых действий, избегая развернутых обоснований и отсылая за более подробной соответствующей информацией к ряду наших собственных публикаций, а также работ некоторых других авторов.

1. Изменения в области кадровой политики

Начнем именно с этого компонента, понимая, что «кадры решают все». Представляется, что прежде всего следует переориентировать в рамках этой политики существующее *de facto* назначение на роль крупных руководителей (отраслями, регионами, госкорпорациями и др.) на основе принципа личной властной близости (партийной, родственной, дружеской и др.) на выдвижение их исключительно по соображениям высокого профессионализма

---

3. Говоря о системной парадигме, мы придерживаемся определения этого понятия, введенного Я. Корнаи (Вопросы Экономики. № 4. С. 4–7).

претендентов в конкретных сферах государственного управления (социальной, экономической и т.д.). Вряд ли можно считать эффективным и даже просто разумным наше отечественное открытие в теории и практике менеджмента — осуществление *кадровых рокировок*, недавним примером которых является взаимная перестановка 2008 года первых лиц в нашем государстве, в 2013 г. руководителей Минэкономразвития и Центробанка РФ.

Свидетельств неэффективности системы кадрового непрофессионализма великое множество. Можно напомнить наиболее яркие деструктивные фигуры. Например, председатель правительства А. Кириенко (1998 г.), доведший руководство экономикой страны до дефолта, или глава оборонного ведомства А. Сердюков со славной женской командой его помощников-заместителей генеральского уровня и многозвездными генералами, командовавшие, допустив при этом немалый расцвет коррупции в Минобороны РФ, или «непотопляемый эффективный менеджер» А. Чубайс, прославившийся реформированием (кажется, точнее было бы сказать, разрушением) созданной в советское время эффективной и надежной централизованно управлявшейся электроэнергетической системы России, а также организацией приватизации госсобственности, не зря прозванной россиянами грабительской прихватизацией. Накануне этого процесса были неосторожно обнародованы обещания того, что выданный всем россиянам безмяннный ваучер будет по ценности на уровне двух автомобилей, а итогом акционирования и приватизации электроэнергетики станут: массовый приток в отрасль иностранных инвестиций; последовательное снижение (из-за ставших частными и конкурирующими генерирующих электроэнергию станций) затрат на производство и тарифов на электроэнергию; повышение надежности всей электроэнергетики. Однако на практике все основные обещания реализовались с точностью до наоборот: ценность ваучера, действительно, обычно тянула на пару... не автомобилей, а бутылок водки; иностранные инвестиции фактически не пришли, а вынужденно пришли возросшие бюджетные; тарифы на электроэнергию непрерывно стали расти, и этот рост предусматривается и в будущем; произошло резкое снижение надежности системы, и одна авария стала следовать за другой — сначала в Чагино, затем в Питере, затем зимой под Москвой и, наконец, беспрецедентная для нашей гидроэнергетики Саяно-Шушенская катастрофа и др.

2. Изменения в области ресурсно-технологической политики

Следует добиваться изменения роли экономики России как природноресурсного, прежде всего нефтегазового, придатка Запада и потребителя-пользователя создаваемых там инновационных эффективных технологий добычи, переработки и использования этих ресурсов. Необходимо перейти на диверсифицированную структуру современного рыночного производства, приближаемую постепенно к технологиям «экономики знаний», учитывающим российские особенности. Интересно в этом плане мнение известного юриста Александра Перчика, в то время заведующего кафедрой горного права РГУНГ им. И.М. Губкина, который в статье: «Нефтяные сливки» («Российская газета», № 241 (3618), 30.10.04, с. 1) отмечал: «...по сути нефтяники работают бесконтрольно. Компании сами заказывают проекты и сами их утверждают... Все бы ничего, если бы у нас было много запасов. Но и это миф. Необоснованное форсирование добычи нефти, обеспечивая интересы нынешнего поколения, оставляет «на бобах» будущие... Все это похоже на пир во время чумы».

Естественно, что на этом пиру при диверсификации производства придется внести большие изменения и в систему подготовки высококвалифицированных кадров, выпуская их в необходимых количествах как профессионалов не только пользователей, но и разработчиков новых технологий для всех нуждающихся в этом сфер, отраслей и регионов нашей экономики и социума. Необходимо отказаться от пропагандируемой концепции «не надо изобретать велосипед» и обучения россиян только возможностям использования созданных и купленных на Западе технологий XXI века, а, как и ранее в советское время, готовить и их разработчиков во всех сферах.

Конечно, все это должно делаться не с чистого листа, а на основе соответствующей предварительно разработанной теории, и здесь есть, как мне кажется, серьезные трудности и психологического характера: с легкой руки нескольких наших известных и талантливых научных работников укоренилось мнение о якобы имеющемся в мире и в нашей стране серьезном «кризисе экономической теории». С этим я совершенно не согласен, хотя бы потому,

что даже в пределах одного института (ИЭ РАН) уже в этом веке, по моему мнению, достигнуты весьма серьезные **теоретические новые** результаты, получившие и позитивное международное признание (соответствующие премии). Это (см. литературу): и развитие экономической социодинамики (Р. Гринберг и А. Рубинштейн), и теории воспроизводства (В. Маевский, С. Малков), и методологии экономического анализа (А. Рубинштейн) и институционально-эволюционной теории (С.Г. Кирдина, В.И. Маевский, О.С. Сухарев), о содержании фундаментальной неопределенности рынка (Ю.Я. Ольсевич) и многое другое. Азм грешный тоже считаю, что новыми в экономической теории и полезными для нашей страны были и мои вместе с ближайшим научным окружением и соавторами докладов на конференциях теоретические разработки по введению в рассмотрение и изучению особенностей нестационарных макроэкономик и корректности способов принятия в них различных решений (в том числе инвестиционных и вообще в рамках теории эффективности хозяйственных решений) в этих условиях. И этот список авторов теоретических новаций примерно до полуста имен известных экономистов-сотрудников ИЭ и членов нашего теоретического семинара нетрудно продолжить... Какой же при этом кризис теории? Как социал-демократ и атеист по своим взглядам, я на это могу только воскликнуть: «Побойтесь Бога, господа ученые-экономисты! Так не передергивали даже аспиранты-политэкономы!»

Конечно, есть при этом и вопросы к самому себе: «Действительно, ведь атеизм тоже религия, хотя и своеобразная. Поэтому, ввиду того, что в последнее время в нашем светском государстве появился юридический феномен об оскорблении чувств верующих, то естественно спросить себя, не оскорбляют ли меня как верующего атеиста, многие такие новации Минобрнауки РФ, как организация в ряде вузов, в том числе и в ядерном МИФИ, кафедр по теологии, введение ВАКом ученых степеней по богословской тематике и т. д.?» Да, оскорбляют, тем более, что в переходный период, как показывает минувший опыт, махровым цветом расцветают не только иллюзии, мифы, миражи и т.д., но и всякие лже- и антинаучные концепции: вместо медицины — знахарство, вместо образования — магия и астрология, вместо научного знания — всякого рода псевдорелигиозные секты и их учения, и т. д. Россия здесь не исключение, и, как отмечается в моно-

графии бывшего председателя Комиссии РАН по естественным наукам (Кругляков, 2009), недавние опросы россиян показали, что треть из них, как много веков ранее, считают, что Солнце вращается вокруг Земли. Не случайно известный физик лауреат Нобелевской премии В.Л. Гинзбург незадолго до своей кончины на вопрос корреспондента: «Куда мы идем, Виталий Лазаревич?» — почти мгновенно отреагировал: «В средневековье», — и, немного призадумавшись, добавил: «В раннее».

И вот с позиции несогласия с такими и всякими другими надуманными, а, по-видимому, просто бездумно взятыми из либерального арсенала «магиями», напрашивается активизация роли государства, в том числе и в направлении инновационной ресурсно-технологической политики.

3. Изменения в области социальной политики

Следует переориентировать принятую в стране в период реформ государственную политику «слабого государства в экономике»⁴ на политику «сильного государства в экономике», т.е.

4. Это надо сделать еще и потому, что термин «сильное государство» нередко и сегодня используется рядом экономистов и политологов в смысле иногда не очень, а иногда и очень далеком от приведенного выше. Так, например, в интересной работе (Сафронов, 2007) упоминаются взгляды различных мыслителей по поводу философии и идеологии этатизма (Платона и Аристотеля с их концепцией «сильной» и «справедливой» государственной власти, представления Гегеля государства как «высшего воплощения Разумной идеи», теории последующих гегельянцев «органического государства» и т. д.). Подчеркивается, что «отправным пунктом для всякой последовательной этатистской теории служит представление о государстве как о первозданной, сакральной и «вышестоящей» по отношению к обществу и индивидууму целостности». В итоге государство выглядит как «магическое образование, обладающее собственными душой, волей и скрытой целью».

По мнению тогда помощника Президента (Сурков, 2007, с. 2), сильное государство — это «эффективное самоуправление свободных людей ...В этом смысл демократии и в этом смысл суверенной демократии». Встречается у наших праволиберальных деятелей и использование термина «сильное государство» в духе, почти напоминающем формулу «Шан-Ян», древнекитайского философа IV века до нашей эры, который утверждал: «Сильное государство означает слабый народ. Ослабление народа есть главная цель государства, идущего правильным путем». Понятно, что в демократическом государстве XXI века на это вряд ли стоит ориентироваться.

Реально, к сожалению, сильного в указанном смысле государства в России никогда не было и нет, вследствие чего и поныне между интересами государства и общества есть существенное рассогласование по многим важным позициям (пенсиям, зарплатам, налогам и др.). В частности, как правильно заметил однажды председатель экспертного совета по налоговому законодательству Госдумы РФ Михаил Орлов в статье «Фискальные игры» («Экономика и жизнь», № 44, 2004, с. 1): «...взимание налогов в защиту публичных интересов, то есть в пользу общества, стало подменяться тезисом взимания налогов в пользу государства как такового».

(Лившиц, 2008, 2013) от ее преимущественной ориентации на узкие интересы относительно небольшой группы наиболее обеспеченных и богатых россиян⁵ на широкий спектр интересов большинства россиян и страны в целом, на уменьшение ставшего уже недопустимо высоким и социально опасным уровня дифференциации доходов различных групп населения⁶, на снижение бедности⁷ и безработицы путем развития производственного потенциала и заметного увеличения оплаты труда наемных работников (Львов, 2002, 2003) и, как следствие, уменьшение количества россиян с доходами ниже адекватного реальным условиям определяемого прожиточного минимума, на уменьшение фактически высокой платности образования, здравоохранения и др.

4. Изменения в области макроэкономической политики

Следует отказаться от неолиберальной монетаристской концепции, в основе которой лежат гипотезы саморегулируемости рынка и минимизации участия государства в экономике, отчасти допустимые в условиях стационарного функционирования и развития зрелой совершенно конкурентной рыночной экономики, но совершенно неадекватной российским реалиям (Лившиц и др., 2014). На смену неолиберальной политике «слабого государства в экономике» (Лившиц, 2008, 2010, 2013) должна прийти опирающаяся в большей степени на кейнсианскую концепцию политика «сильного государства в экономике», ориентированная на интересы всех россиян и предусматривающая активное государственное участие в экономике в целях повышения системной народнохозяйственной эффективности. Приватизация, конкуренция и другие

5. По экспертным оценкам (Лившиц, 2013), таких россиян (бизнесменов, чиновников и др.) насчитывается около 130 тыс. человек, т. е. меньше 0,1% всего населения.
6. По данным Росстата и результатам проведенных научных исследований, коэффициент фондов — отношение средних доходов 10% наиболее обеспеченных россиян к средним доходам 10% наименее обеспеченных — превышает 16,0, а в Москве он превышает 40,0. Более полные данные см. (Шевяков, 2005; Шевяков, Кирута, 2009; Лившиц 2013).
7. В стране согласно приведенным в (Лившиц, 2013) результатам опросов ВЦИОМ «бедными себя считают 20% человек», 22,2% россиян, у которых «денег с трудом хватает на питание», тех, кто «живет на доходы ниже прожиточного минимума — 16%».

рыночные инструменты должны рассматриваться не в качестве самоцелей, а всего лишь средств эффективного достижения общественных целей, таких как «повышение уровня жизни основной массы населения». Должно действовать правило, если приватизация госсобственности повышает в указанном смысле эффективность производства, то она целесообразна, в противном случае – нет. Это же соображение должно работать и применительно к обратной операции – национализации собственности. При этом важно, чтобы системная эффективность изменения формы собственности была определена согласованно с российским законодательством и методически корректно, с полным учетом динамики, последствий и обратных связей как экономических, так и внеэкономических (социальных, экологических и др.) факторов. Несмотря на сложность таких расчетов, они уже сегодня могут быть проведены – по существу речь идет об определении общественной эффективности проектов (в том числе и проектов приватизации или национализации объектов)⁸. И это надо делать обязательно – одних лишь ссылок на классиков (Адам Смит, Давид Юм и др.) явно недостаточно.

К тому же, не вдаваясь в обсуждение того, насколько конструктивна и приемлема сегодня позиция известного либерала Давида Юма, старшего друга и консультанта Адама Смита, крупнейшего философа, но гражданина XVIII, а не XX, и тем более XXI в., отметим, что все же либерализм обычно связывается с такими фундаментальными понятиями, как справедливость и свобода, а через них, естественно, и с демократией, против которых в общем виде вряд ли кто-либо ныне из цивилизованных представителей *homo sapiens* захочет выступать. Но, как всегда, «черт спрятан в деталях», т. е. в том, *о какой свободе, какой справедливости, для каких субъектов и при каких сопутствующих внешних и внутренних условиях, институтах и т. д. идет речь*. Ведь иногда даже просто соединенные эти благородные понятия могут иметь совсем иное содержание – типичным примером может быть не требующее комментария по фактическому содержанию сочетание «либераль-

---

8. Методика расчета такой эффективности изложена в официальном документе, утвержденном Минэкономки, Минфином и Госкомпромом РФ 21.06.1999 г. (Методические рекомендации, 2000) и многократно использованном при оценке эффективности многих конкретных проектов, финансируемых как государственными, так и частными инвесторами в различных отраслях и регионах.

но-демократическая партия» в России со своим известным лидером, очень энергичным и по-своему талантливым (конечно, не в научном или изолированно нормальном восприятии слов «либеральная» и «демократическая»). И нам представляется, что содержание понятий может сильно измениться, если дополнить либерализм двумя прилагательными *правый* и *российский* или, хуже того, с приставкой *нео* — мы сразу попадаем в русло той системы мышления, на базе которой, к сожалению, для большинства россиян, были проведены в России оказавшиеся для нее катастрофическими социально-экономические реформы, хотя и проведенные, возможно, в соответствии с первым законом нашего эрудита «*Хотели как лучше...*». Но получилось совсем не то, что хотелось и было возможно. Трудно не согласиться здесь с автором монографии, который в разделе «Что хотели и что получилось?» пишет (Гринберг, 2012, с. 17–18): «Обращение к либеральным ценностям характерно лишь для отдельных периодов российской истории XIX–XX вв. Именно таким периодом оказалось десятилетие, охватывающее вторую половину 80-х и первую 90-х годов XX столетия. Вряд ли можно отрицать, что тогда в российском обществе стремительно возрастала популярность идей личной свободы и частной инициативы. К началу 90-х они захватили значительную, если не большую, часть населения. Причем самую продуктивную его часть. Словом возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. А государственной власти был предоставлен серьезный шанс для развития демократических процессов, формирования гражданского общества, создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы. Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью; фактически они сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 90-е годы вызывало в общественном мнении нарастающее негативное и даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 90-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Дискредитация демократии и создание

предпосылок авторитаризма – главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 90-е годы. Сейчас общество пожинает посеянные ими плоды». И далее в следующей работе (Гринберг, 2012, с. 55–56) уточнил: «К счастью, глобальный финансово-экономический кризис со всей очевидностью выявил исчерпанность либеральной философии развития с ее, по точному замечанию Обамы, «культурой безответственности». Возвращение к политике общественного интереса наблюдается ныне во всем мире. Яркий пример тому – экономическая политика Барака Обамы и заметное полевение общественного мнения в странах Европы. Вот и России пора бы отказаться от ошибочного понимания «правильного капитализма. И здесь нет никакой разумной альтернативы леволиберальной идее».

Но есть в связи с этим и ряд серьезных проблем, о которых недавно – 17.01.2014 г., говорил в своем выступлении на заседании «Меркурий-клуба» его президент, академик РАН Е.М. Примаков. В частности, почти в начале выступления он сказал: «Прежде всего нужно отметить, что существует огромная разница между неолиберальной политикой, особенно в экономике, и истинно либеральными требованиями независимости суда, прекращения вседозволенности чиновничьего аппарата, борьбы с коррупцией, с фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех сверху донизу. Эти либеральные идеи выдвигаются и поддерживаются в нашей стране широкой общественностью, политическими партиями различных взглядов. Однако без четкого определения грани между либеральными идеями и принципами неолибералов, без противодействия неолиберальной политике возникает угроза серьезных негативных последствий для России. Если говорить о платформе российских неолибералов, то основная ее составляющая – это уход государства из экономики. Наши неолибералы не только исходят из универсальности западных экономических теорий, даже без учета их эволюции, но, главное, не считают с особенностями и степенью развития рыночных отношений в России. Помимо всего прочего наши неолибералы вообще не учитывают уроки кризиса 2008–2009 годов. Известно, что в США и в странах Евросоюза во время кризиса было усилено влияние государства на экономику. Такой тренд сохраняется. Еще один принцип неолибе-

рализма в том, что свободная игра экономических сил, а не государственное планирование, обеспечивает социальную справедливость. Однако этот вывод не выдержал столкновений с действительностью и в капиталистических странах, где, в частности, государство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, способствующую перераспределению доходов в пользу малоимущих. Что касается России, то без государственного индикативного планирования экономического роста (конечно, не директивного) вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран. А такое отставание, несомненно, существует. Имеет место и огромное неравенство в доходах...

Выступая за резкое и незамедлительное сокращение роли государства в экономике, наши неолибералы поставили своей задачей провести новую масштабную приватизацию государственной собственности, настаивают на максимальном охвате приватизацией важнейших для страны государственных предприятий... Острые противоречия с российскими неолибералами сохраняются также в оценке взаимоотношений между отдельной личностью и обществом. Неолибералы по сути отрицают, что свобода, демократия совместимы с определенными самоограничениями в пользу общественных интересов». По указанным причинам становится понятным само название статьи (Примаков, Севастьянов, 2014), содержащей более полное изложение речи Президента «Меркурий-клуба»⁹.

Эти мысли нашего выдающегося экономиста и государственного деятеля вполне подтверждаются и реальной, зафиксированной статистикой практикой развития за последнее двадцатилетие бывших советских союзных республик. В частности, в статье (Попов, 2014), посвященной экономическому чуду переходного периода — тому, «как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике», отмечается (с. 136–137): «Теперь уже и забылось, как в 1990-е годы либеральные экономисты — наши и

---

9. Думаю, или, по крайней мере, мне кажется, что к неолибералам в этом плане надо отнести всех сказочно разбогатевших в период реформ и особенно «прихватизации» бизнесменов, включая олигархов, и оправдывавших экономистов, а также, как ни странно, государственных министров, руководство госкомпаний, госбанков и экономических служб и институтов, т. е. в частности Е. Гайдара, Д. Медведева, А. Дворковича, А. Улюкаева, Б. Федорова, А. Илларионова, А. Чубайса, П. Авена, Я. Кузьминова, Э. Набиуллину, Г. Грефа, А. Кудрина и многих-многих других из их «садика».

зарубежные — доказывали, что переходные экономики растут тем быстрее, чем больше либерализация, приватизация и демократизация, что Прибалтика поэтому «впереди планеты всей, а Средняя Азия безнадежно отстает. Время заставило на многое взглянуть иначе... Сегодня в экономическом соревновании выигрывают не экономически либеральные и демократические режимы, а Туркмения, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Белоруссия. В Узбекистане ВВП в 2012 г. составил более 200% уровня допереходного 1989 г., это — лучший показатель в бывшем СССР (за исключением Туркмении) и Восточной Европе. Это выше роста ВВП в «странах — передовиках капиталистического строительства»: Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии. По этому показателю Узбекистан уступает лишь еще двум азиатским переходным экономикам — Китаю и Вьетнаму. Да, население Узбекистана увеличилось за 23 переходных года с 20 млн до 30 млн человек, так что в расчете на душу населения успехи выглядят скромнее. Но, во-первых, сам рост населения вместо падения, как во многих других странах, свидетельство успеха, и во-вторых, и рост реального подушевого ВВП впечатляет — без малого на 40% за 23 года, или почти 1,6% в год. Не так много стран могут похвастаться таким результатом». К тому же много и других существенных позитивных изменений, особенно заметных при сравнении: явное усиление в структуре производства доли промышленности, ее разумной экспортоориентированности и диверсификации (в том числе фактически ликвидация «хлопкового проклятия» и создание собственной автомобильной промышленности, почти наполовину на экспорт), уменьшение дифференциации доходов населения (в 2012 г. коэффициент Джини порядка 30%, отсутствие миллиардеров и др.). В общем (там же, с. 154–155): «Сегодня возвышение Узбекистана и малолиберизованных экономик на постсоветском пространстве не заметит лишь тот, кто не хочет видеть. Появились статьи о новой среднеазиатской модели государства, нацеленного на развитие... самообеспечение такими критическими ресурсами как энергия и продовольствие, сильный качественный рост, основанный на экспорте готовых изделий и дифференциации экономики». Думается, что при сохранении в Узбекистане указанной эффективной антилиберальной политики «сильного государства в экономике» достаточно вероятным будет исполнение высказанного в конце цитируемой статьи В.В. Поповым

яркого прогноза (с. 155): «Через 10–20 лет журналисты будут писать о том, как узбекский верблюд догнал восточноазиатских драконов и тигров».

5. Изменения в области налоговой политики

Следует отказаться от плоской шкалы налогообложения доходов фирм и физических лиц в пользу ступенчатого нелинейного прогрессивного механизма налоговых платежей. Плоская шкала налогообложения даже при эффективном государственном управлении и здоровом состоянии бизнеса и общества противоречит таким естественным правилам общественно эффективной налоговой политики, как «сбор налогов в основном с богатых, а не бедных», «увеличение (или, по крайней мере, неуменьшение) располагаемых доходов и абсолютной и относительной налоговой нагрузки по мере роста доходов», «освобождение от налогов или их существенное уменьшение для самых бедных и очень малого бизнеса» (Лившиц, 2013). Отстаивая сохранение плоской шкалы налогообложения, обычно прибегают к запугиванию обывателей тем, что якобы при переходе на нелинейную прогрессивно возрастающую шкалу «доходы уйдут в тень», а «олигархи не будут платить налоги». Такая аргументация сродни призывам перестать бороться с криминалом и коррупцией из-за того, что их все равно полностью побороть не удастся. Указанная аргументация — удел «слабого государства», «сильное государство» вполне способно бороться с уводом доходов в тень. Международный (в том числе Сингапур и др.) опыт тому свидетельство. Хотя, конечно, дело это небыстрое и очень непростое, требующее высокой профессиональной квалификации и плохо представляемой у нас честности государственных чиновников.

Дополнительные трудности такого перехода у нас могут возникать в связи с часто меняющимися у нас правилами налогообложения физических и юридических лиц, неоднозначностью трактовок налогового законодательства. Иногда против отказа от плоской шкалы налогообложения выдвигают и такой аргумент, что система, особенно сбора необходимой информации, якобы настолько усложнится, что все перестанут работать, а будут заняты лишь сбором справок о доходах. Но это опасение надуманное или рассчитанное на неразумный

механизм налогообложения. Ведь отказ от плоской шкалы не обязательно следует делать глобально и поголовно для всех россиян — на нелинейность налогообложения надо выводить только лиц, имеющих весьма немалые доходы (например, в год не менее одного или даже нескольких миллионов рублей), и тогда подавляющему большинству россиян никакие справки по-прежнему не надо будет нести в налоговую инспекцию, так как очень бедные, да и малый-малый бизнес, смогут вообще не платить налогов, а подавляющая часть оставшихся будут платить по той же плоской шкале.

Другой важный вопрос — насколько вообще рациональна наша налоговая система: и в смысловом плане — принципы взимания, структура сборов, их экономическое и социальное содержание, модели и способы формирования и т.д., и в количественном отношении — уровни ставок отдельных налогов (например, НДС, налога на доходы физических лиц и т.д.). Представляется, что в этом отношении надо было бы сделать очень многое, так как действующее налоговое законодательство представляется явно нерациональным и даже социально несправедливым и поэтому довольно опасным. Во-первых, потому, что оно ориентировано на то, чтобы относительно большие налоги платили группы бедных, а не богатых россиян. Во-вторых, потому, что принятая плоская шкала налога на доходы физических лиц приводит к тому, что богатые платят меньше. Например, именно они часто имеют значительные дивидендные доходы по ценным бумагам, ставка налога по которым кажется только на днях была повышена до нормального уровня, а была всего 9%, а недавно была и вообще всего 6%, а законопослушные бедные платят со всех своих доходов налог 13%. Кроме того, у нас вообще вопреки зарубежному опыту и даже здравому смыслу принята не прогрессивная, а регрессивная шкала налогообложения богатых по пенсионным взносам, в частности «по заработкам до 47 тыс. руб. в месяц платят 30% страховых взносов, а с более высоких заработков только 10%. А с бонусов, вознаграждений членов советов директоров (а это миллионы долларов) вообще не платится ни копейки (Дмитриева, 2012). В-третьих, потому, что отсутствует налог на сверхпотребление, на роскошь и т.п.; символический, а не бюджетобразующий характер имеют налоги на наследство и имущество, в том числе незаконно и даже криминально приобретенное

(вследствие приватизации и рейдерских захватов), которое у бедных практически отсутствует, и т.д. В-четвертых, потому, что есть много недостатков при определении налоговых платежей, связанных с учетом различных факторов, например, с местом, где находится или зарегистрирован налогоплательщик (Сухарев, 2012).

Но с налогами определенный прогресс все-таки намечается – например, с 2014 года введен новый налог на недвижимость¹⁰. К настоящему времени уже накопилось довольно много и других предложений по совершенствованию налогового законодательства (прежде всего это касается необходимости введения нелинейной прогрессивной шкалы на доходы физических лиц, компенсационных налогов и др.). Естественно, все эти предложения должны пройти профессиональное и общественное обсуждения и осуществляться только при положительном мнении и на законодательной основе. Но и в этом случае, внесенные в Налоговый кодекс, они существенно оптимизируют парадигму госуправления.

6. Изменения в области естественно-монопольной политики

Следует переориентировать государственную политику, фактически нацеленную на формирование растущих во времени тарифов естественных монополий (на железнодорожные перевозки, продукцию электроэнергетики и др.), построенных на концепции их самофинансирования и самоокупаемости в основном как средних затрат – себестоимости с добавлением фондовой рентабельности. Необходима системная оптимизация уровня тарифов (т.е. оптимальное установление их на основе дифференциальных затрат или по схеме Рамсея-Буато (Quinet, 1990, 1998), если требовать выполнения условия самоокупаемости). Ввиду того, что естественно-монопольные структуры основаны на сетевой базе с высокими условно-постоянными затратами, в них дифференциальные затраты при нормальных уровнях загрузки обычно значительно, иногда

---

10. Идея нововведения проста: налог будет высчитываться на основе не инвентаризационной (как сейчас), а гораздо более высокой рыночной стоимости жилья. При этом от налогообложения будут освобождены только 20 кв. м жилья. Ставку налога будет разрешено варьировать от 0,1 до 0,3% цены для жилья, которое стоит до 300 млн рублей, и от 0,5 до 1% – для недвижимости, дороже этой суммы.

в несколько раз, ниже средних затрат и поэтому предлагаемые цены на продукцию будут значительно ниже существующих средних. Это приведет к благоприятному для экономики страны в целом снижению затрат на производство и транспорт продукции обычных не естественно-монопольных отраслей материального производства, росту их прибыли и соответствующих налогов. При этом режим самофинансирования и самоокупаемости естественно-монопольным отраслям обычными рыночными механизмами автоматически обеспечен быть не может и им будут необходимы государственные дотации из бюджета, получаемые за счет части возросших налогов.

7. Изменения в области финансовой политики

Следует изменить положение, когда основные финансовые службы страны (ЦБ РФ, Минфин РФ и др.) в соответствии с монетаристской концепцией фактически выполняют пассивную роль внешнего наблюдателя спонтанно протекающих равновесных процессов на денежном и валютном рынках, а также хранителя правил поведения и интегральных показателей в банковской системе страны. Новая роль финансовых служб должна стать активной, направленной на регулярное разумное управление характером и уровнем инфляции, наполняемости экономики денежными средствами, а также устойчивым валютным курсом национальной валюты и установления соответствующих процентных ставок в интересах основных масс россиян и отечественного бизнеса. Пока же регулирование ключевой процентной ставки регулятором носит довольно странный немонотонный прыгающий (то 8, то 12, то 17, то снова 12%) характер, подстать ему согласно (АиФ № 40(1821), октябрь 2015) и динамика уровня инфляции (2010 г. – 8,8%; 2012 г. – 6,6%; 2014 г. – 11,4%; 2015 г. – 12,2%).

8. Изменения в области инвестиционной политики

В России практически, особенно в сфере мегапроектирования, доминирует неэффективное ручное управление инвестициями, решения в инвестиционной сфере принимаются по политическим и интуитивным соображениям, что особенно нетерпимо при реа-

лизации особо крупных инвестиционных мегапроектов, требующих огромных затрат ресурсов порядка сотен и десятков миллиардов долларов (проекты «Большая Москва», мост на о. Русский, Всемирная Олимпиада, Всемирный футбольный чемпионат и др.). В принципиальном плане в этом вопросе следовало бы обратить внимание на два аспекта. Во-первых, на крайнюю необходимость обязательного (законодательного) введения и, главное, исполнения такого порядка, по которому бы все инвестиционные решения принимались бы только на основе предварительного прохождения обязательной стадии составления инвестиционных проектов и их экспертизы, включая обязательный расчет эффективности инвестиций. И, во-вторых, надо, чтобы расчеты эффективности в методическом отношении были корректными, причем с учетом сильной макро- и микроэкономической специфики российской нестационарной переходной экономики — ее особых рисков, многовалютной инфляции и т. д. И, естественно, надо покончить с имеющим место финансовым, в том числе и инвестиционным, голодом, особенно в смысле оплаты научных работников и условий проведения фундаментальных исследований. В противном случае разговоры о модернизации страны, переходе на инновационный путь развития, вхождении в «экономику знаний» и т. д. так и останутся по существу лишь упражнением в демагогии. (Лившиц, 2013).

9. Изменения в области науки и образовательной деятельности

Необходимо восстановить масштабы и высокое качество многоуровневой государственной системы образования россиян и проведения научных исследований. Следует прекратить разрушение созданной ранее достаточно эффективной¹¹ отечественной системы (прежде всего в РАН) и копирование западных образцов (система ЕГЭ, болонская система подготовки специалистов высшего образования и др.). России необходима адекватная отечественным условиям система с активным использованием имеющегося в мире и у

---

11. Академик Д.С. Львов неоднократно обращал внимание, что наука и в СССР, и в современной России на самом деле весьма и весьма экономически эффективна, если ее (эффективность) правильно считать как отношение системных получаемых за ее счет результатов к затратам на нее.

нас прогрессивного опыта подготовки квалифицированных кадров и проведения фундаментальных исследований. В связи с этим следует оценить огромные потери, в том числе и в качестве школьного и вузовского образования, которые имеют место из-за непродуманного внедрения упомянутых новаций в нашем образовании, фактически ликвидировавших в стране существовавшую более полувека весьма эффективную систему вузовской подготовки, основанной на принципах Александра Гумбольдта, квалифицированных рабочих кадров через ПТУ и среднего технического персонала через техникумы. Все это в существовавшей ранее или в какой-то новой форме придется восстанавливать с большими народнохозяйственными затратами, причем от некоторых, по нашему мнению, особенно вредных для России механизмов, например ЕГЭ, придется отказаться, причем, по-видимому, чем раньше, тем лучше.

10. Изменения в области бюджетной политики

Необходимо прекратить практику бюджетного планирования, нацеленную на формирование на всех уровнях управления необоснованно оптимистических бюджетов, составленных по нереальным завышенным исходным и прогнозным значениям ключевых показателей, к тому же принимаемых депутатами (Госдумы РФ, законодательных собраний регионов и др.), ограниченно ответственных за свои действия. Нужны более обоснованные (по методике составления и близости к реальности используемых исходных данных) бюджеты — прогнозы, опирающиеся на принятые в профессиональной методике оценки инвестиционных проектов принцип умеренного пессимизма, методы учета инфляции, риска и неопределенности и т. д.

11. Изменения в области политики информатизации¹²

Государство, бизнес, регионы, муниципалитеты и население все в большей мере затягиваются в водоворот процесса информатизации, причем процесс этот требует перманентно растущих

---

12. Швецов, 2012; Сухарев, 2015.

расходов на внедрение разнообразных и постоянно усложняющихся ИКТ. При этом вопросы о мере необходимости, сферах, составе, масштабах и о темпах внедрения информационных технологий почти не обсуждаются, аксиоматичным считается постулат: чем больше и быстрее они распространяются, тем лучше. Редко можно услышать вопросы, зачем внедрять те или иные конкретные ИКТ; нет ли альтернативных способов достижения соответствующих целей; сколько стоит данное нововведение и какова его эффективность; может быть, есть смысл добиваться максимальной отдачи от уже имеющихся информационных систем, а не закупать новые. Между тем, если каждый раз задаваться подобными элементарными вопросами, отношение к ИКТ, можно надеяться, превратится из ритуально и безудержно восторженного в прагматично-взвешенное. Вредят же подобные вопросы только ИКТ-производителям и промютерам, интерес которых состоит в наращивании масштабов и темпов информатизации — безотносительно к их обоснованности с точки зрения интересов конечного потребителя, соотношения затрат и результатов, выгод и потерь потребителей.

Надо заметить, что с такой проблемой общество и государство сталкиваются вовсе не впервые. Аналогичная коллизия, собственно, наблюдалась с самого начала постсоветских преобразований, когда любые реформационные действия стали рассматриваться не как средство решения социально-экономических задач, а в качестве самоцели, и императивным оказалось создание гарантий необратимости реформирования. Что получилось вследствие реализации такого подхода, каждый ныне может обнаружить вокруг себя. К сожалению, то же самое сегодня наблюдается в отношении к распространению информационных технологий, в связи с чем очевидно: информатизация — всего лишь средство (инструмент), применение которого может улучшить или не улучшить качество жизни и управления; более того, оно способно нанести ущерб и усугубить существующие либо породить новые проблемы.

Сегодня принято считать, что ИКТ являются автоматически действующим, безусловным фактором повышения качества управления. Между тем условие здесь есть: сам процесс управления должен быть выстроен правильно, и только тогда такое средство, как информационные технологии, действительно окажет позитивный

эффект — посредством мобилизации дополнительных возможностей рационализации собственно технологий управленческих. В данном контексте стоит вспомнить об опыте внедрения в 1970-х годах так называемых автоматизированных систем управления (АСУ). Сколько радужных надежд связывалось с этим новшеством, сколько было потрачено средств? А эффективность оказалась весьма низкой, и именно потому, что негодные системы управления пытались улучшить лишь на основе задействования информационных технологий, не меняя содержания управленческих отношений. Но точно так же сегодня пытаются оцифровать неэффективные процессы.

Когда же апологеты оцифровки ссылаются на соответствующий западный опыт, они опять-таки берут лишь техническую сторону дела, не учитывая, минимум, двух обстоятельств. Игнорируются, во-первых, гораздо более высокий уровень общего развития передовых стран, во-вторых, то, что информационные технологии внедряются в уже хорошо отлаженные механизмы управления, способные к тому же постоянно самосовершенствоваться. Впрочем, и «у них» проблем хватает; так, согласно результатам серьезных исследований, информатизация — весьма дорогое удовольствие, а ее эффективность вовсе не столь высока, как принято считать (в любом случае мало приобрести ИТ-продукты, их надо еще с умом внедрить).

Поэтому абсолютно необходимо изучать конкретные ИКТ-инновационные проекты и каждый раз искать разумные решения. Не следует забывать предостережение ООН относительно «эффекта белого слона»: разработка и поддержка информационно-коммуникационных технологий могут многократно перекрывать их социально-экономические результаты.

12. Изменения в области государственной региональной политики¹³

Практически всеми, кто вовлечен в сферу разработки и реализации этой политики, осознается насущная необходимость ее совершенствования, уточнения и обновления ее целей, модернизации механизмов. Таким же общепризнанным является и желаемый

---

13. Швецов, 2011.

результат преобразований, которые должны привести к ускорению и повышению сбалансированности развития регионов и муниципальных образований. В определении же содержательных аспектов региональной политики, хотя такого единства уже и не наблюдается — ибо предлагаются разнообразные способы достижения результата, но не следует преувеличивать и различия этих подходов, которые разнятся лишь в частности.

В принципиальном же плане их роднит то, что все они не выходят за рамки прежних и устоявшихся в последние годы представлений о государственной региональной политике, проводимой в логике высокоцентрализованной и становящейся все более субординационной схемы обоснования, принятия и реализации решений (все по принципу «сверху вниз»). Какие-то из предлагаемых нововведений, видимо, вполне способны привести к улучшению конкретных региональных ситуаций, но обеспечить с их помощью общий качественный скачок в региональном развитии, оставаясь в прежней парадигме отношений между центром и регионами, вряд ли возможно.

Продуктивное и качественное обновление в региональной политике, перевод ее на принципиально иную основу принятия и реализации решений возможны только в случае кардинальной децентрализации всей системы отношений, решительного и существенного перераспределения прав, ответственности и ресурсов в пользу регионов и городов. Вне всякого сомнения, самостоятельное решение регионами своих собственных проблем (разумеется, при адекватной децентрализации ресурсов и полномочий) окажется намного эффективнее централизованно навязываемого регионам способа решения тех же проблем с помощью инициатив федеральных властей.

В условиях менее централизованной системы организации регионального развития, переход к которой становится главным императивом реформ в этой сфере, региональные власти, получив больше средств и полномочий, смогут значительно расширить свои возможности самостоятельного (без участия центра) и под свою ответственность перед местным населением (а не вышестоящего начальства) решения проблем регионального развития, в то время как федеральные власти смогут сосредоточиться преимущественно

но на вопросах создания необходимых для этого общих условий и предпосылок и помощи только тем из регионов, которые не в состоянии справиться со своими проблемами самостоятельно. При переходе к более децентрализованной системе сам собой отпадает вопрос о том, кому государство должно оказывать поддержку – слабым или сильным регионам. В случае децентрализации ресурсов и полномочий регионы-лидеры выиграют намного больше, нежели от получения ими централизованной поддержки в рамках концепции стимулирования «точек роста». При прочих равных условиях более самостоятельное распоряжение своими собственными потенциалами позволит этим регионам и без такой поддержки сверху обеспечить свой рост. Что же касается отсталых регионов, не располагающих достаточными потенциалами развития, то им как раз и не обойтись без централизованной государственной помощи. Таким образом, миссия государства должна состоять в том, чтобы развязать руки сильным регионам и помогать слабым.

13. Изменения в области антикриминальной и антикоррупционной политики

Все предложенные выше меры будут эффективны, если будет достигнут существенный прогресс в области, пожалуй, важнейшей для современной России, антикриминальной и антикоррупционной политики. Поэтому следует перейти от декларативной к реальной антикоррупционной борьбе (Иноземцев, 2013), на основе реализации принципа неотвратимости адекватного наказания за совершенные преступления (уголовные, приватизационные, налоговые и др.), на реальную ликвидацию хорошо известных нашим правоохранительным органам криминальных группировок, конфискацию неправомочно приобретенного имущества и собственности, соответствующему наказанию коррупционеров независимо от рода служебной деятельности (судебные, законодательные и правоохранительные органы власти всех уровней), их статуса и близости к властным структурам и др. Естественно, все это должно делаться в рамках законодательства, которое тоже должно быть рационализировано с целью повышения возможностей осуществления принципа «неотвратимости адекватного наказания за совер-

шенные преступления». В аналогичном направлении должны быть откорректированы и другие (внешнеэкономические, образовательные и т. д.) не только упомянутые выше компоненты действующей парадигмы государственного управления, тоже содержащие немало неэффективных элементов. Это касается, например, системы ЕГЭ в образовании, способствующей не снижению (как задумывалось), а, напротив, возрастанию уровня коррупции в стране. Подчеркнем, что имеющихся силовых и других антикоррупционных структур в стране с избытком достаточно, чтобы победить разгул криминала. Не хватает властного настроя активности на серьезное проведение этой деятельности.

* * *

Таковы в самом кратком изложении некоторые из наших соображений по поводу предпосылок, смысла и направлений перехода к новой системной парадигме социально-экономического развития современной России. Мы постарались обосновать, почему нужен такой маневр, показать, в чем он должен заключаться, и обозначить основные практические шаги по его осуществлению. Разумеется, высказанным выше нашим мнением затронутая проблематика далеко не исчерпывается. Наша главная цель состояла в том, чтобы еще раз привлечь внимание к архиактуальной для судьбы нашей страны задаче и путям ее неотложного решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше в первой части доклада (Преамбуле) были кратко освещены кризисные ситуации в нашей экономике и социуме, возникшие вследствие избранной реформаторами неэффективной теоретической макроэкономической концепции и адекватной ей тактики реформирования, естественно, согласованной с также неэффективной Парадигмой государственного управления. В итоге весь этот букет неэффективности породил в экономике России в течение всего периода реформ глубокий системный социально-экономический кризис, выход из которого, как показано во второй части доклада (в Амбуле), требует внесения значительных изменений во все компоненты Парадигмы, которые затем последовательно и обсуждаются.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Почти четверть века (со 2 января 1992 года) в нашей стране идут процессы радикального реформирования экономики и социума России, и осуществлялся этот поход практически без серьезной внутристрановой подготовки, опираясь лишь на либеральные теоретические концепции монетаристского толка и советы их носителей – консультантов с дальнезарубежного Запада. Но пока явно пришли не совсем туда, куда надо, что нетрудно увидеть, даже кратко рассмотрев названия основных этапов пройденного пути, который во временном аспекте с января 1992 года до наших дней, аналогично тому, как это принято в ряде работ (Лившиц, 2013, и др.) удобно разделить на пять взаимосвязанных частей (этапов):

- *первый* – «*обвальный период*» радикальных реформ с начала 1990-х годов до 2000 г.;
- *второй* – относительно благополучный «*тучный период*» с 2000 г. до осени 2008 г.;
- *третий* – «*период первого финансового кризиса в России*» – с осени 2008 г. по 2010 г.;
- *четвертый* – «*посткризисный период*» – 2011–2012 гг.;
- *пятый* – «*период второго финансового кризиса в России*» – с 2013 г. по настоящее время.

Как образно представлено в (Гринберг, 2002, с. 267–268), «люди, которые пришли к власти, хотели, чтобы Россия в одночасье превратилась в страну изобилия... Они хотели наконец снова насладиться колбасой. Да, на самом деле, дело всегда в колбасе. Колбаса

стала символом благосостояния. В последние годы советской власти она исчезла с полок магазинов, потому что шла борьба двух политических сил: команда Горбачева против команды Ельцина... Ельцин, будучи популистом, пообещал народу, что колбасы будут в стране в изобилии». И, кажется, это то небольшое из его многих обещаний, что исполнилось, — колбаса на прилавках магазинов, действительно, появилась и с вполне сопоставимым с Западом ассортиментом, но... по заоблачным и практически не доступным для основной массы россиян ценам, так что потребление ее в стране на душу населения (среднюю, неолигархическую) не увеличилось, а существенно уменьшилось. Тем не менее факт ее многовидового наличия в свободной продаже, несомненно, положительный и в какой-то степени подтвердил романтические надежды либералов, которые «думали, что колбаса вырастает из свободы». Но нужно отметить и то, что существуют и высказываются квалифицированными экономистами аргументы в пользу того, что дефицит в госторговле качественных потребительских товаров в советский период и их «изобилие» на рынке в период российских рыночных реформ имело и имеет не абсолютный, а относительный характер и носит не реальный объективный, а искусственный характер, спровоцированный искусственно и тогда, и сейчас неестественной и неэффективной ценовой политикой государства. Так в подтверждение такого взгляда в монографии (Амосов, с. 57–60) говорится: «На потребительском рынке СССР дефицит качественных продуктов питания имел относительный характер. Из Рязани ехали в Москву за замороженным мясом по преискурантной цене — 2 руб/кг. В то же время в Рязани на «колхозном» рынке можно было свободно купить парное мясо по рыночной цене 4 руб/кг. Высококачественные продукты питания по рыночным ценам можно было купить практически во всех регионах СССР. И это были не такие уж высокие цены. Многие пенсионеры, имея пенсию 120–130 рублей в месяц, питались «с рынка». Иная ситуация возникла при отказе от преискурантного ценообразования в 1990-х годах. При сокращении платежеспособности населения снова возник абсолютный дефицит качественных товаров, но он приобрел иные формы. Во-первых, появился дефицит доступных по цене продуктов питания. Малообеспеченные покупатели сейчас образуют очереди при проведении «акций», то есть при реализа-

ции залежалых продуктов питания по низким ценам. Во-вторых, возник абсолютный дефицит качественных товаров независимо от величины цены. Сетевые магазины завалены фальсифицированными и опасными для здоровья импортными продуктами питания и напитками. Отечественные производители сельскохозяйственной продукции, освобожденные от советских стандартов качества и требований к безопасности продуктов питания, тоже освоили технологии фальсификации мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, хлеба и хлебобулочных изделий и так далее. В целом ситуация такова, что качественное мясо, молоко и другие продукты на продажу перестали производить. Их очень трудно купить даже по высоким ценам, то есть они стали в России абсолютно дефицитными». Все это, конечно, для основной массы россиян, а не для избранных представителей «класса господ», которым, как мечтал когда-то известный гоголевский герой, «суп в кастрюльке привозят прямо из Парижа... не так важно лично им или в рестораны, где они и их дети, бизнес-компаньоны и т. д. изволят достаточно регулярно принимать пищу».

Надо еще отметить, что на фоне современной ситуации в России в качестве ключевой сегодня в экономике России выдвигается проблема восстановления разрушенного реформами 90-х годов производственного и научного потенциала страны, а в ее рамках — двукратная проблема производственных инвестиций: *где и как их найти* и *где и как их разумно использовать*. Обе стороны этой проблемы требуют самого серьезного реалистичного, а не мифического внимания и изучения, значительных усилий по их решению, в том числе в направлении развития методологии и методики корректного их анализа в современных российских макро- и микроэкономических нестационарных условиях с учетом специфики рассматриваемых реальных инвестиционных проектов и их окружения. При этом немаловажен учет и следующего нерассмотренного выше соображения, отмеченного в (Гурова, Ивантер, 2012): «Производство товаров в России на душу населения в десятки раз ниже, чем в любой развитой стране. Мы серьезно не инвестируем в основной капитал уже более двадцати лет. Зато мы лидеры по доле торговли в ВВП. Если так пойдет дальше, то мы скоро окажемся в доиндустриальной фазе... Однако надо понимать, что сформировавшаяся в последние трид-

цать лет постиндустриальная надстройка, где значимая доля населения работает в непроизводственном секторе, очень тонкий, очень неустойчивый слой хозяйственной деятельности, не способный ни прокормить страну, ни обеспечить стабильность ее богатства, ни даже поддерживать цивилизованный уровень жизни на территории страны. Именно поэтому постиндустриальный мир возможен только в тех странах, которые, во-первых, накопили мощный промышленный капитал и, во-вторых, не забывают о его обновлении. Если кто не заметил, США — центр постиндустриального мира — после кризиса занялась активным обновлением капитала. Поэтому, хотя радикальные реформы в России проводились при активном участии иностранных советников, в том числе американских (Джеффри Сакс и др.), наш собственный опыт говорит: **«Делай не так, как советует Америка, а так, как делает Америка в аналогичных ситуациях».**

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аганбегян А.* Размышления о современном кризисе в России и ее последующем развитии // Мир перемен. № 2. 2012. С. 9–16.
2. *Амосов А.И.* У России есть шанс до 2017 года. Что дальше – начало развития или конец цивилизации? (Будущая Россия). М.: ЛЕНАНД, 2011.
3. *Беляев Михаил.* «Зарплатная пропасть» России. Топ-менеджеры Госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих // МК №31 (26.743). 16.02.2015. С. 1.
4. *Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А.* Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика. 5-е изд. М.: Поли Принт Сервис, 2015.
5. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М.: ИСЭ ПРЕСС, 2000.
6. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Основания смешанной экономики. М.: Институт экономики. 2008.
7. *Гринберг Р.С.* Интервью 20.05.2011 РИА Новости. С. 1: «Я считаю, что Советский Союз...»
8. *Гринберг Р.С.* Свобода и справедливость, Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр. ИНФРА-М, 2012.
9. *Гурова Т., Ивантер В.* Мы ничего не производим. М.: Эксперт. № 47. 26.11.2012.
10. *Дмитриева О.* К новому кризису мы подойдем с нерешенными социальными проблемами // Московский комсомолец. 12.10.2012.
11. *Иноземцев В.* Лучше не бороться с коррупцией, чем делать это так, как сейчас // Московский комсомолец. 01.04.2013.
12. *Капелюшников Р.И.* И еще раз – о теореме Коуза. (Критические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2006.
13. *Кейнс Джон Мейнард.* М.: Прогресс, 1978.
14. *Кейнс Дж. М.* Экономические возможности наших внуков (1931)// Вопросы экономики, №6. М., 2009. С. 60–69.
15. *Кирдина С.Г.* Институционализм в России: XX – начало XXI в. Вопросы экономики. 2015.

16. Клейнер Г.Б. Аксиоматика академика Львова. В сб. докладов научной конференции памяти академика Д.С. Львова. М.: ЦЭМИ РАН. 2011. С. 7–23.
17. Корнаи Янош. Системная парадигма // Вопросы экономики, № 4, 2002. С. 4–23.
18. Костюк В.Н. Нестационарная экономика. Влияние роста сложности на экономическое развитие. УРСС. 2014.
19. Котц Дэвид М., Фред Вир. Путь от Горбачева к Путину. Гибель советской системы и Новая Россия. Пер. с англ. / Под ред. И.Ю. Готлиба. М.: Едиториал УРСС. 2013 (Будущая Россия. №23).
20. Кругляков Э.П. «Ученые» с большой дороги – 3. М.: Наука. 2009.
21. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Учет нестационарностей при оценках инвестиций в России. // Аудит и финансовый анализ. М.: Изд. дом «Компьютерный анализ». 1999. №1. С. 61–90.
22. Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: URSS, 2008.
23. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013. М.: ЛЕНАНД (URSS) 2013, фактически вышедшая в свет в сентябре 2014 г.
24. Лившиц В.Н. О необходимости изменения парадигмы государственного управления экономикой России. ЭНСР. № 1. 2015. С. 18–27.
25. Лившиц В.Н., Лившиц С.В., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Системный анализ, кибернетика и синергетика. Сравнительные соображения // Материалы семинара ЦЭМИ РАН и Финансового университета при Правительстве РФ. М.: ЦЭМИ РАН, 2012.
26. Лившиц В.Н., Позамантир Э.И., Смоляк С.А. Система тарифов по грузовым перевозкам, осуществляемым в России ОАО «РЖД» // Экономика и математические методы. 2013. Т. 47. Вып. 3. С. 42–56.
27. Лившиц В.Н., Швецов А.Н. Каких ошибок следует избегать при оценке инвестиционных проектов с участием государства // Вопросы экономики. 2011. № 9.
28. Лившиц В.Н., Швецов А.Н. Детская болезнь левизны правого российского либерализма // Мир перемен. 2014. № 3. С. 8–21.
29. Львов Д.С. Экономический манифест. Будущее российской экономики. М.: Экономика. 2000.
30. Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
31. Львов Д.С. Будущее России: Гражданский Манифест. Москва-Волгоград, 2003.

32. *Львов Дмитрий*. Вернуть народу ренту. М.: ЭКСМО, Изд-во Алгоритм. 2004.
33. *Маевский В.И.* Основные положения новой теории воспроизводства. В сб. «Эволюционная и институциональная экономика. Вопросы теории и практики». С. 4–8. // Изд-е ИСРТ РАН. Вологда. 2015.
34. *Маевский В.И., Малков С.Ю.* Новый взгляд на теорию воспроизводства. М.: ИНФРА-М, 2014.
35. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Официальное издание (Вторая Редакция). Минэкономики РФ, Минфин РФ, ГК РФ по стр-ву, архит. и жил. политике / Рук. авт. коллектива В.В. Коссов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров. М.: Экономика. 2000. Третья редакция (проект). 2005. ИСА РАН.
36. *Некипелов А.* Необходима новая стратегия реформ // Независимая газета. 8 апреля 2000.
37. *Николаев И.* Бюджет-то ненастоящий // Московский комсомолец. 15.10.2014.
38. *Ольсевич Ю.Я.* Фундаментальная неопределенность рынка и концепции современного кризиса. М.: Институт экономики РАН, 2011.
39. *Обсиенко Ю.В.* Институциональные системы и их взаимосвязи с социальными и экономическими процессами. М., 2014. Ч. 2.
40. *Петраков Н.Я. и Перламутров В.А.* Россия – зона экономической катастрофы. Финансово-денежная политика и рыночные реформы в России. М.: Экономика. 1996. С. 136–149.
41. *Петраков Н.Я.* Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика. 1998.
42. *Попов В.В.* Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике. Журнал НЭА, №1(21), с. 136–159.
43. *Примаков Евгений.* Выступление Президента «Меркурий-клуба» с аналитическим докладом в дни празднования Старого Нового года на заседании клуба 14 января 2013 года.
44. *Примаков Е.М. Севастьянов А.Н.* Почему сегодня нельзя огласиться с политикой неолибералов? Primakov/2014/13/1.html.
45. *Рубинштейн А.Я.* Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010.
46. *Рубинштейн А.Я.* Введение в новую методологию экономического анализа. М.: Институт экономики РАН, 2012.
47. *Рубинштейн А.Я.* Социальный либерализм и консоциальный патернализм. М., 2015. (рукопись).

48. *Стиглицу Джозеф*. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.
49. *Стиглицу Джозеф*. Цена неравенства. Чем расслоение нашего общества грозит нашей экономике. М.: ЭКСМО, 2015.
50. *Сухарев О.С.* Эволюционная экономика. М.: Финансы и статистика, 2012.
51. *Сухарев О.С.* Информационная экономика: знание, конкуренция и рост. М.: Финансы и статистика, 2015.
52. *Швецов А.Н.* Совершенствование региональной политики: Концепции и практика. М.: КРАСАНД, 2011.
53. *Швецов А.Н.* «Информационное общество». Теория и практика становления в мире и России. М.: КРАСАНД, 2012.
54. *Шевяков А.Ю.* Социальная политика и распределительные отношения // ЭНСР. 2005. №3(30). С. 52–56.
55. *Шевяков А.Ю., Кирута А.Я.* Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.
56. *Шляпентох Владимир*. Мифология приватизации. М.: Правила игры. Play fair. 1992. № 1. С. 75–93.
57. *Vairoch Paul*. Mythes et paradoxes de l, histoire economique? La Decouverte / Poche, Paris, 1999.
58. *Ganton T*. Megaprojects and Regional Development: Pathologies in Project Planning // Regional Studies/ 2003. Vol. 37. No. 5. July. P. 505–590.
59. *Quinet Emile*. Analyse economique des transports. Presses Universitaire de France, Paris, 1990.
60. *Quinet Emile*. Principes d. Economie des transports. Economica. Paris, 1998.

ОБ АВТОРЕ

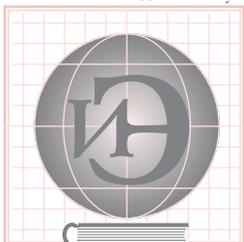

ВЕНИАМИН НАУМОВИЧ ЛИВШИЦ

Вениамин Наумович Лившиц родился в Луганске (1931), кандидат технических наук (1961), доктор экономических наук (1972), профессор (1979), заслуженный деятель науки РФ (1989), лауреат Премии РАН имени академика В.С. Немчинова (1999), заведующий лабораторией Института системного анализа РАН (ИСА РАН), заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН, главный научный сотрудник ИЭ РАН, руководитель кафедры МФТИ.

В.Н. Лившиц — автор около 500 научных работ, в том числе 18 монографий по экономике, транспорту, энергетике, математике, опубликованных в России и за рубежом, выступал с научными докладами и лекциями на английском, французском и немецком языках более чем в 20 зарубежных странах. Основные направления исследований: математическое моделирование социально-экономических процессов, методы оптимизации решений динамических задач в экономике, оценка эффективности инвестиционных и инновационных проектов, оценка бизнеса, обоснование рациональных стратегий развития производственной инфраструктуры, экономика транспорта.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

В.Н. Лившиц

Новая парадигма государственного регулирования экономики

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Полякова А.В.*

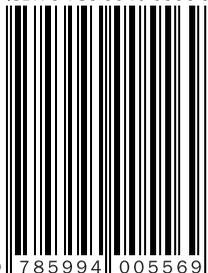
Компьютерная верстка – *Гришина М.Ф.*

Подписано в печать 19.11.2015 г.

Заказ № 38. Тираж 300. Объем 2,7 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 9-785-9940-0556-9

9 | 785994 | 005569